

Виктор Панько

КОНТУЖЕННЫЙ

Повесть

12+

Виктор Панько

Контуженый

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Панько В. Д.

Контуженый / В. Д. Панько — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Повесть члена Союза писателей Молдовы имени А. С. Пушкина и Российского союза писателей Виктора Дмитриевича Панько "Контуженый" посвящена судьбе вернувшегося с Великой Отечественной войны солдата и его переживаниям в связи с случившимся с ним в последние дни войны трагическим событием. Основной текст повествования дополняется комментариями автора, навеянными воспоминаниями детства. Адресована широкому кругу читателей.

Содержание

1	6
2	7
3	8
4	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

«Солнце скрылось за горою,
Затуманились речные перекааты,
А дорогою степною
Шли с войны домой советские солдаты...».
/Слова из забытой песни/.

Примечания для Иванова:

Эту песню мы пели в 1952 году на уроках пения во втором классе Данульской средней школы. Хорошая мелодия. Второй куплет такой:

*«Они жизни не щадили,
Защищая отчий край – страну родную,
Одолели, победили
Всех врагов в боях за родину святую»...*

1

Возможно, солнце появилось в мире значительно раньше, чем эта зеленая трава и эти синеглазые цветочки, разбросанные то здесь, то там среди ромашек, стеблей тысячелистника и терпко пахнущей полыни. Может быть, прапрадеды этой травы и представляли собой не что иное, как обычный пырей или мышей, стремящийся сегодня засорить собой наши свекловичные или кукурузные поля, но вот тут, рядом с нею, растет еще и мелкий папоротник, и дикий чабрец.

Говорят, что папоротник существовал на земле очень давно, чуть ли не миллионы лет назад. Но тогда он был огромных размеров. Отпечатки гигантских листьев папоротника до сих пор находят шахтеры в пластах каменного угля...

Солнце появилось значительно раньше, чем папоротник, и чем пырей, и чем мышей, и – тем более – сурепка, которую нужно удалять с находящейся рядом свекловичной плантации при помощи надежно зарекомендовавшей себя мотыги, придуманной сотни и тысячи лет назад, которая в наше время усовершенствована (значительно) и называется «сапа». А эти синеглазые цветочки, и папоротник, и полынь, и тысячелистник, и чабрец растут здесь, в райском уголке, на берегу крошечного ручейка, текущего из родника, который у нас везде называется «копанка».

В середине «копанки», расширенной чьими-то трудолюбивыми руками, из-под земли стремится тоненькая струйка водяной жилы, поднимающая вверх пузырьки серебристого цвета. Рядом с этими пузырьками может плавать какая-нибудь лягушонка с узорчатым красно-вато-желтым брюшком, которая у нас называется «чистивка», потому что она, якобы, каким-то образом очищает всякую воду, в которую попадет.

Рядом с копанкой, на установленной кем-то палке, может блестеть на солнце перевернутый вверх дном глиняный черпачок, или двухсотграммовый стакан, или выдавшая виды алюминиевая кружка, или, уже в наши дни, срезанная напополам пластмассовая полторашка.

Когда же на этой палке по каким-то причинам ничего не обнаруживается, то ты ложишься на траву, отодвигаешь в сторону краснопузую лягушонку, припадаешь губами к зеркалу копанки и пьешь, глоток за глотком, долгожданную влагу, утоляя таким способом свою потребность в воде, называемую словом «ЖАЖДА».

Примечания для Иванова:

Я знаю об этих лягушатах потому, что родился и вырос у безымянной речушки, протекающей прямо у границы нашего огорода. В ней и водились «чистивки», там и была «копанка». Подобных «копанок» в низинах речек было немало, из них пили воду крестьяне-единоличники, а потом – колхозники. Вода была чистой. У копанки запросто можно было увидеть зайца, дрофу или куропатку. Году в 1949 мой сосед, нанашко Ваня (Иван Васильевич Тучак) принёс с поля, где он косил сено, маленького зайчонка и подарил его мне. Впоследствии именно он стрелял из двустволки, когда я шёл мимо его яблони, но то, что он принёс мне зайчика, сгладило о нём впечатление как о злом и неуравновешенном человеке, то есть он был не лишён доброты.

2

Его называли у нас «Контуженый».

Таких как он было немало после войны в наших селах. Кто пришел без руки, кто – без ноги, кто – с осколками, застрявшими здесь или там, а то и путешествующими по человеческому телу, как будто тут тебе какая экскурсия.

Кто-то из них быстро освоил науку костыля и протеза и уже совсем даже бодро шкандыбал по сельской пыльной улице. А кто – не сумел долечить все время открывающиеся раны и был похоронен на сельском кладбище с надлежащим почетом и уважением, как положено, с духовым оркестром и священником, с задушевными словами о вечной памяти, которая – в наших сердцах.

И слова эти были искренними, и слезы молодой жены, измученной вечной работой, и чистые слезинки двух детишек, оставшихся отныне сиротами, были горькими. И не скоро, ой не скоро суждено им просохнуть, потому что нужны для этого годы и годы.

Сегодня прошедших путь этот, фронтовиков Великой Отечественной, остались буквально единицы. И каждый из них прошел путь своей судьбы, который измерялся километрами фронтовых дорог, может быть – гектарами минных полей, а может быть – секундами или минутами неповторимых и важных событий, от которых зависело очень многое из того, что мы привыкли называть главным в жизни.

Примечания для Иванова:

Действительно, в детстве мне приходилось общаться со многими пришедшими с войны односельчанами, слушать их рассказы. Многие из них были инвалидами, как, например, продавец колхозного ларька Арсений (Сяня) Тучак был без руки. Бывший капитан Василий Плотников по прозвищу «Васька – не гавкай» (Его любимое выражение было «не гавкай»), который жил в нашем селе, по всей вероятности был на войне контужен. Николай Акимович Червак был без руки. Покорёженные тела и судьбы мужчин того поколения...

3

Насколько я теперь понимаю, следов какой-то травмы, нанесенной ему контузией, у него заметно не было. Может быть, на то, что он не такой, как другие, указывало только отсутствие улыбки да какой-то чересчур напряженный погляд из-под черных бровей, в котором угадывались и сила, и тревога, и готовность к чему-то резкому, неожиданному и страшному.

Худощавый, мускулистый, стройный, крепкий, с детства привыкший к тяжелому труду, и даже не могущий себе представить, что жизнь может существовать без этого труда, он не принес с войны никакого физического изъяна, а глубокие шрамы, один – на ноге, а другой – на плече, – не в счет, так как они ему движений не стесняли и ни в чем не мешали.

...Некоторое время Контуженный был сторожем на колхозной бахче, и бахча была в полной безопасности. Пацаны не рисковали туда соваться, следуя тысячам материнских советов «с Контуженым не связывайся», а главное – потому, что был он наш родственник, но даже не только родственники, а и любые посторонние в воскресенье могли подойти, хлопца три-четыре, и попросить у него пару арбузов и пару дынь.

Встречал он эту делегацию высоких гостей не столь приветливо, но нам тогда было это все равно, лишь бы арбузов дал. Сам ходил выбирать, приносил всегда спелые, крупные, с черными семенами, покрытыми мелким инеем сахара, разрезал их аккуратно, оставляя середину мякоти – «волка» – напоследок.

Раздавал доли каждому и смотрел, как мы едим. Хвалил за то, что не ходим к нему красть и не бьем зеленых арбузов.

Подумайте сами: разве, когда крадешь – успеваешь посмотреть, какой арбуз – спелый, а какой – зеленый? Тогда выбирать некогда. А так, вот, пришли, поели, и он еще принесет, если что, но красть – Боже упаси! Ружье у него всегда заряжено, а соли теперь в любом магазине – навалом. Никто из вас никогда не получал по заднице заряд соли ?

«Не-н-е-е, это не мы... Получил вон тот-то... Мы об этом знаем... Он даже нам показывал... Ее у него как оспой поело. Н-н-е – не мы...».

И вот тут Контуженый берет ружье, прицеливается в какого-то несчастного воробья, и как жажнет сразу из двух стволов – с того воробья даже мокрого места не остается. Только пыжи валяются, дым из стволов, да запах пороха нос щекочет:

–А-апчхи!

–Будьте здоровы!

–Спасибо, нанашко! (Нанашко – крестный отец).

–Май заходит до нашей колыбы! (Колыба – шалаш).

И что же это? Вы когда-нибудь подобное видели? Контуженный улыбается!

Примечания для Иванова:

Картинки о бахче навеяны воспоминаниями о действительных событиях нашего детства. Сторожом колхозных арбузов и дынь был дед Василь Ротарь по прозвищу «Беня». Он давал покушать даже «до отвала» пришедшим просить пацанам. Конечно, он не стрелял, был очень добрым человеком. А выстрел его я придумал, потому что другие сторожа действительно пугали обещаниями «посолиить», а кое-кого и «солили».

4

Но улыбка на его лице появлялась настолько редко, что, казалось, она тут вообще неуместна и невозможна.

К нам его отношение, как я теперь понимаю, было двоякое. Увидев кого-то из нас, босого, с побитыми пальцами ног от вечных спотыканий, в залатанных-перелатанных, невесть с кого перешитых брюках, которые у нас назывались «панталоны», перевязанных какой-то хитроумной веревочкой по названию «очкур», он мог подойти, дать тебе яблоко, а яблони тогда не у каждого в огороде росли, и спросить:

–Ти чий ?

– Ты чей?

–Міті Паньки.

– Мити Панько.

–А що ты їв сьогодні ?

– А что ты ел сегодня?

–Капусняк.

– Капустняк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.